
«ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС»
«Надежда Чародейская»

Надежда Чародейская

Последний сеанс

«Автор»
2026

Чародейская Н.

Последний сеанс / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Двадцать лет назад в кинотеатре «Мир» случился пожар. Ирина уехала из родного города и старалась не возвращаться — пока смерть матери не заставила её снова переступить порог дома, где прошлое так и не стало прошлым.Старый кинотеатр готовится исчезнуть. Но в его стенах сохранились следы последнего сеанса: обрывки плёнки, чужие показания и воспоминания, которым нельзя доверять до конца. Чем ближе Ирина подбирается к правде о той ночи, тем яснее понимает: пожар изменил не только её жизнь. Кто-то до сих пор боится, что случившееся увидят.Чтобы узнать, что произошло на самом деле, Ирине придётся досмотреть фильм до конца — даже если на экране появится то, чего там быть не должно.

© Чародейская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение 5
Глава 2. Коробка с билетами 10
Глава 3. Кадры, которых нет 14
Глава 4. Черновой монтаж 17
Глава 5. Савелий 19
Глава 6. Два участка 23
Глава 7. Покупатель 26
Глава 8. Последний сеанс 29
Глава 9. Первый кадр 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Надежда Чародейская
Последний сеанс

Глава 1. Возвращение

Кинотеатр «Мир» стоял на углу улицы Лесной и проспекта, которого не было ни в одном лесу.

В детстве Ирина считала это смешным. Потом привыкла. Теперь, вернувшись в город после двадцати лет отсутствия, она обнаружила, что смешного в названии ничего не осталось: улицу перекопали, деревья вдоль неё вырубили, а на месте старого сквера вырос торговый центр с фасадом цвета мокрого картона.

Автобус высадил её у площади и ушёл, не дожидаясь, пока она разберётся с чемоданом. Ирина осталась под навесом остановки, вдыхая сырой воздух. Дождь был мелкий, упрямый: не падал каплями, а висел в воздухе и оседал на волосах, рукавах, ресницах. За дорогой светилась аптека. На рекламном экране девушка в белом халате обещала средство от бессонницы.

Ирина поймала себя на том, что смотрит на экран дольше, чем нужно.

Она спала плохо с того дня, как позвонила тётя Валя.

«Мама умерла. Похороны во вторник».

Ни «приезжай», ни «тебе нужно». Валя не умела просить о помощи. Ирина не умела приезжать вовремя.

Валя прислала ещё одно сообщение следом: «Ключи у меня. Приезжай, когда сможешь». Ирина прочитала его трижды. В этих словах не было упрёка, но она всё равно услышала его — так, как слышала в голосе тёти каждую паузу после слова «мама».

Она открыла список пропущенных вызовов. За последние полгода от матери было четыре звонка. Ирина помнила каждый: один во время монтажа, два в поезде, ещё один поздно ночью. Она ни разу не перезвонила сразу. Потом звонила, когда уже было неудобно спрашивать, зачем мать звонила.

Чемодан стоял рядом, мокрый по бокам. В нём лежало чёрное платье для похорон и запасная рубашка. Всё необходимое для нескольких дней. Ирина вдруг поняла, что не хочет приходить к матери сразу после дороги — не потому, что боится дома, а потому, что не знает, как смотреть на пустое место за кухонным столом.

Она могла бы сесть на следующий автобус и поехать прямо к дому матери. Вместо этого подняла чемодан и пошла к кинотеатру.

«Мир» не изменился. Или изменился так, как меняются люди, которых давно не видел: сначала узнаёшь лицо, потом замечаешь, что оно стало чужим.

Над входом темнела вывеска. Несколько букв выпали, и теперь осталось:

М Р

Ирина остановилась у противоположного тротуара. Чемодан тянул руку вниз. В детстве она часто ждала здесь Лёшу после кружка: он приходил из школы раньше, чем она, и делал вид, будто случайно оказался у кинотеатра. Иногда у него в кармане находился лишний билет. Иногда — только обещание, что «в следующий раз точно достанем».

Она не помнила, сколько раз следующий раз так и не наступил.

У главного входа висело объявление о продаже: здание, земельный участок, коммуникации. Внизу прикреплён номер телефона агентства. Бумагу намочило, чернила расплылись, и цифры казались написанными дрожащей рукой.

Ирина сфотографировала объявление.

Не потому, что оно было важно. Просто так поступают люди, которым нужно чем-то занять руки.

Она перешла дорогу. Дверь поддалась не сразу. Ирина толкнула её плечом; чемодан застрял на пороге, и колёса коротко застучали по металлу. Внутри пахло пылью, старым деревом и сладковатым ароматом попкорна — слабым, почти выветрившимся, но всё ещё живым. Такой запах оставался в комнате, где когда-то часто готовили, даже спустя годы после того, как вынесли плиту.

В фойе горела одна лампа. Она висела над кассой и гудела, как усталая муха.

— Закрыто, — сказал мужской голос из темноты.

Ирина остановилась.

У стены стоял невысокий старик в сером кардигане. В одной руке он держал связку ключей, в другой — мокрую тряпку. У него были густые брови и маленькие внимательные глаза.

— Я по поводу похорон, — сказала Ирина.

Старик посмотрел на неё, потом на чемодан.

— Похороны были во вторник.

— Я знаю.

— Тогда вы опоздали.

— Я тоже знаю.

Он подождал, будто надеялся, что она добавит что-нибудь ещё. Ирина не добавила.

— Ты Иринина дочка, — сказал он наконец. Не вопросительно.

— Ирина.

— Я помню.

— А я вас нет.

— Савелий. Киномеханик.

Он произнёс это так, словно профессия всё ещё существовала и кто-то мог попросить его предъявить удостоверение.

— Мама говорила о вас.

— Надеюсь, хорошее.

— Она говорила, что вы не любите, когда трогают проектор.

Савелий глянул в сторону коридора, ведущего к аппаратной.

— Умная была женщина.

— Была.

Слова повисли между ними. Савелий первым отвёл взгляд.

— Агент приходил утром, — сказал он. — Смотрел стены, потолок, считал выходы. Как будто кинотеатр можно измерить рулеткой.

— Его продают.

— Я заметил.

— Мне нужно осмотреть здание.

— Вам или агенту?

— Мне.

Он подбросил ключи на ладони. Металл коротко звякнул.

— В зале холодно. Свет включается не весь. На сцену не выходите — доски сгнили.

— Я не собираюсь выходить на сцену.

— Все так говорят.

Савелий направился к боковой двери, не проверяя, идёт ли она следом. Ирина покатила чемодан за ним. Колёса громко стучали по плитке, и каждый удар отзывался где-то глубже в здании.

— Вы здесь работаете? — спросила она.

— Работаю — громкое слово. Приглядываю.

— За чем?

— Чтобы не украли то, что ещё не украли.

Они прошли мимо закрытого буфета. За стеклом лежал пластиковый поднос, на котором засохло пятно чего-то бурого. Ирина отвела глаза.

— Мама оставила мне ключи, — сказала она. — Я должна решить, что делать с кинотеатром.

— Решить можно быстро. Продать, получить деньги, уехать.

— Вы советуете?

— Нет. Я объясняю, как это обычно делают.

Савелий открыл дверь в зал.

Запах там был сильнее: ткань, пыль и ещё что-то — холодное и металлическое. Как в комнате, где давно не открывали окна.

Красные кресла уходили рядами вниз к экрану. Большая часть сидений была накрыта простынями. На белой поверхности виднелись тёмные пятна, словно зал заметало снегом, который не растаял.

Ирина спустилась на несколько ступенек. В детстве она знала, где скрипит каждая из них. Теперь скрипели все.

Она помнила кинотеатр заполненным до последнего кресла: шуршание фантиков, детский смех, чей-то кашель в темноте. Но ярче всего вспоминала не фильмы, а ощущение, что зал умеет хранить людей после того, как они выходят. Запах их пальто, тепло подлокотников, оброненные слова.

— Сколько ему? — спросила она.

— Кинотеатру?

— Вам.

— Семьдесят два.

— А кинотеатру?

— Ему больше.

— Вы всё ещё показываете фильмы?

— Нет.

— Когда был последний сеанс?

Савелий долго молчал.

— Официальный — три года назад.

— А неофициальный?

Старик посмотрел на неё.

На миг в зале стало очень тихо. Даже лампа в фойе перестала гудеть.

Потом Савелий сказал:

— Ваша мать приходила сюда по ночам.

Ирина повернулась к нему.

— Зачем?

— Сидела в последнем ряду.

— Одна?

— Обычно.

— На что смотрела?

— На экран.

— Он был включён?

Савелий отвёл взгляд к сцене.

— Нет.

Ирина ждала, что он улыбнётся, даст понять, что шутит. Но старик только вытер ладонь о кардиган, хотя на ней не было ни воды, ни пыли.

— Она ничего мне не говорила, — сказала Ирина.

— Люди не всегда говорят то, что должны.

— Это вы о ней или обо мне?

— Я старый, — ответил Савелий. — Мне уже всё равно, о ком.

Он поставил ключи на край ближайшего кресла.

— Агент хочет провести прощальный показ. Для местных. Один вечер, старые записи, фотографии города. Думает, так проще продать здание: чтобы все пришли, поплакали и разошлись.

— И вы согласились?

— Я ещё не решил.

— А я должна?

— Вы же владелица.

— Пока нет. Мама умерла, но документы ещё не оформлены.

Савелий посмотрел на её чемодан.

— Надолго приехали?

— На несколько дней.

— Так все говорят.

Ирина почувствовала раздражение, непропорциональное его словам.

— Вы часто разговариваете загадками?

— Только когда люди задают вопросы, на которые не хотят знать ответ.

Она поднялась по ступенькам. На полпути остановилась.

В последнем ряду, почти у стены, одно кресло было не накрыто простынёй. Красная ткань на спинке поблекла, подлокотник лоснился от прикосновений. Ирина не помнила этого кресла, но почему-то сразу поняла: мать сидела именно там.

— Есть что-то, что мне нужно знать? — спросила она.

Савелий собрал ключи.

— Да.

— И?

— Не заходите в аппаратную.

— Почему?

— Там ничего нет.

— Тогда почему не заходить?

Он посмотрел на неё без раздражения и без вызова. Только устало.

— Потому что иногда этого достаточно.

В кармане пальто завибрировал телефон. Ирина вытащила его. На экране было сообщение от агента: «Сделку желательно закрыть до конца недели. Покупатель ждать не будет».

Она ответила: «Поняла».

— Вы собираетесь проводить показ? — спросил Савелий.

Ирина убрала телефон.

— Если это поможет продать здание.

— А если нет?

— Тогда я всё равно его проведу.

Савелий кивнул, будто именно этого и ожидал.

Когда Ирина вышла на улицу, дождь уже закончился. На мокром асфальте отражалась неполная вывеска — две светящиеся буквы, одна из которых мигала.

Она прошла несколько шагов и услышала за спиной металлический щелчок.

Дверь кинотеатра закрылась.

В кармане пальто снова завибрировал телефон. На этот раз сообщение пришло с незнакомого номера.

«Не продавай “Мир”, пока не посмотришь плёнку отца».

Ирина остановилась.

Она набрала ответ, но не успела отправить: сообщение исчезло с экрана. Номер не определялся. В истории переписки его не было.

Только на чёрном стекле телефона отражалась вывеска.

М Р

И на одну короткую вспышку между буквами зажглась третья — которой уже много лет не существовало.

И

Она стояла, пока свет не погас. Потом впервые за этот день направилась к дому матери.

На перекрёстке ей пришлось остановиться у светофора. В лужице у бордюра лежал билет, размокший до состояния серой кашицы. На нём ещё можно было разобрать слово «Мир». Ирина хотела поднять его, но автобус проехал по луже, разбрызгал воду и смыл картон в решётку ливневого стока.

Она смотрела, как билет исчезает, и вдруг вспомнила, что однажды уже ждала здесь Лёшу под дождём. Тогда он не пришёл. Мать сказала: «Он ушёл домой». Ирина поверила ей, потому что в детстве верить взрослым было проще, чем задавать следующий вопрос.

Светофор переключился. Она перешла улицу.

Глава 2. Коробка с билетами

Квартира матери находилась в доме напротив кинотеатра. Ирина помнила этот дом жёлтым, но теперь он был серым, как будто город за годы отсутствия выцвел целиком.

Лифт не работал. На двери висело объявление о ремонте, датированное прошлым месяцем. Ирина поднялась на четвёртый этаж пешком, остановившись на площадке между третьим и четвёртым. Когда-то она бежала по этим лестницам, перепрыгивая через ступеньку. Теперь ждала, пока перестанет колоть под рёбрами.

Ключ заедал в замке. Она повернула его раз, другой, нажала плечом на дверь. Замок щёлкнул, и из квартиры потянуло лекарствами, остывшим чаем и пылью.

Ирина вошла, не снимая пальто.

В прихожей стояли мамины туфли. Одни — домашние, с вытертым пятном на носке. Другие — чёрные, на низком каблуке, те самые, в которых мать ходила на похороны. Ирина знала, что их здесь не должно быть. Тётя Валя говорила, что после кладбища забрала всё лишнее, чтобы не оставлять «маме вещи на память».

Но, видимо, не всё.

Ирина поставила чемодан у стены. На полке всё ещё лежала связка запасных ключей, резинка для волос и маленькая стеклянная птица, которую Ирина привезла из школьной экскурсии. У птицы был отколот клюв. Мать не выбросила её, хотя однажды сказала, что терпеть не может безделушки.

— Я приехала, — произнесла Ирина.

В квартире ничего не ответило.

На кухонном столе стояла кружка с засохшим чайным ободком. Рядом лежала связка квитанций, аккуратно прижатая солонкой. Мать всегда раскладывала бумаги по стопкам. Даже в больнице она просила Ирину разобрать счета за электричество, потому что «они не должны валяться как попало».

Ирина сняла пальто, повесила его на спинку стула и взяла верхнюю квитанцию. Дата — три месяца назад. Последний платёж за свет. Ниже — квитанция за воду.

Вода была оплачена за весь год.

Она положила бумагу обратно и включила чайник. Тот щёлкнул, но не загорелся. Ирина проверила вилку, нажала кнопку ещё раз. Ничего. На кухне было холодно, но радиаторы оставались тёплыми — отопление пока не отключили.

Она открыла кран. Вода пошла сразу, чистая и прозрачная. Ирина подставила ладони, умылась и посмотрела на своё отражение в тёмном окне. За её спиной, в стекле, угадывался фасад кинотеатра.

Квартира состояла из двух комнат, кухни и узкого коридора, где даже в детстве приходилось протискиваться боком, если кто-то уже стоял у шкафа. Ирина прошла в комнату матери. На стене висели фотографии в простых деревянных рамках: Ирина в школьной форме, Ирина на выпускном, Ирина с матерью у входа в «Мир». На последней они обе улыбались. Матери было около пятидесяти, Ирине — одиннадцать. За их спинами кинотеатр выглядел новым, хотя уже тогда в углу вывески не горела одна буква.

Ирина сняла фотографию со стены. Под ней остался чистый прямоугольник обоев.

— Ты могла бы написать, — сказала она матери.

На обратной стороне фотографии карандашом было выведено: «Ирина. Лето 2001-го».

Ниже — ещё одна строчка, совсем мелкая:

«Не показывать ей вторую катушку».

Ирина перевернула фотографию. Слова исчезли, когда она снова посмотрела на них. Нет, не исчезли — она закрыла их пальцем. Но почерк был материнский, а смысл теперь упрямо держался в голове.

Она опустила снимок.

В комнате стоял шкаф с выдвижными ящиками. Ирина открывала их по очереди: бельё, полотенца, старые лекарства, нитки и пуговицы. В нижнем ящике обнаружилась жестяная коробка из-под печенья. На крышке были нарисованы красные ягоды. Коробка оказалась легче, чем выглядела.

Ирина поставила её на кровать, но не открыла сразу. Села рядом и прислушалась к дому. Где-то сверху двигали мебель. В подъезде хлопнула дверь. Вода в трубах коротко загудела и стихла.

Она сняла крышку.

Внутри лежали билеты.

Сотни маленьких прямоугольников, выцветших и ломких. «Мир». Места, ряды, даты. На некоторых билетов не было вовсе — только корешки, будто их когда-то разорвали руками. Ирина провела пальцами по верхнему билету. Картон затрещал.

В детстве мать иногда приносила домой билеты, которые не продали. Ирина любила перебирать их, придумывая, кто мог сидеть на каждом месте и почему не пришёл. Лёша говорил, что пустые билеты — это самые грустные истории: человек уже собирался, но в последний момент передумал.

Ирина разложила билеты на кровати по датам. Сначала — привычка архивиста: отделить целые от повреждённых, подписать стопки, не смешивать свидетельства. Она остановилась, когда увидела, что некоторые билеты пробиты дважды. В кассе так делали, если билет возвращали после ошибки, но на этих не было ни печати, ни отметки.

Она нашла три билета на один и тот же сеанс, одиннадцатого октября. Два — на места рядом, третий — на место девять в двенадцатом ряду. Все три были куплены одной серией, но один оказался выдан позднее остальных. Ирина вспомнила, как мать иногда приносила домой лишний билет и говорила: «Кто-то передумал». Тогда это звучало просто. Теперь она не знала, кто именно передумал — зритель или тот, кто ждал его.

Билеты пахли сухой бумагой и чем-то сладким, словно старой коробкой конфет. Ирина сложила их обратно не по датам, а как лежали. Ей не хотелось быть точной с вещами, которые она пока не понимала.

На дне коробки лежал конверт.

Её имя было написано на нём материнским почерком. Без фамилии, без обращения.

Ирина раскрыла конверт. Внутри оказалась записка на листке из блокнота:

«Не продавай кинотеатр, пока не посмотришь последнюю плёнку».

Ирина перечитала. Потом ещё раз.

Внизу мать приписала:

«Савелий знает, где она».

Ирина села на край кровати. Из кухни доносился тихий стук — будто капля падала в раковину. Она прислушалась. Стук повторился. Пауза. Потом снова.

Кап-кап.

Она встала, прошла на кухню и повернула кран. Тот был закрыт. Раковина сухая.

Стук продолжался.

Ирина открыла шкафчик под мойкой. Там стояло ведро, бутылка средства для посуды, старый фильтр. Ничего больше. Она выпрямилась и услышала телефонный звонок.

Номер был незнакомый.

— Алло?

На линии шумело. Не помехи — скорее далёкий гул большого пустого помещения.

— Ира? — спросил женский голос.

Ирина замерла. Голос был старый, но знакомый. Тётя Валя.

— Да.

— Ты уже в квартире?

— Да. Нашла мамины записи.

— Какие записи?

— Записку про плёнку. Мама велела не продавать кинотеатр, пока я её не посмотрю.

На другом конце стало тихо.

— Валя?

— Не трогай это.

— Что именно?

— Не ищи ничего в кинотеатре. Не проси Савелия.

— Ты знала про плёнку?

— Я сказала — не трогай.

— Мама оставила мне записку.

— Мама много чего оставляла.

— Например?

Валя шумно выдохнула.

— Например, долги. Обиды. Истории, которые лучше было не вытаскивать.

— Там есть что-то про папу?

— Ира, его нет уже двадцать лет.

— Это не ответ.

— А какой ответ тебе нужен? Что мы все сделали правильно? Нет. Не сделали. Но теперь поздно.

Ирина посмотрела на коробку с билетами, стоявшую на кровати в соседней комнате.

— Что произошло в ту ночь?

— Ты была там.

— Я была ребёнком.

— Ты всё равно была там.

— Я помню, что сказала полиции.

— Тогда держись за это.

— А если я помню неправильно?

— Память — не суд, Ира.

Валя отключилась.

Ирина ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом убрала его и вернулась к жестяной коробке. Она стала разбирать билеты, осторожно поднимая один за другим. Большинство было обычными: «Сказка о потерянном времени», «Человек-амфибия», «Летят журавли». Некоторые датировались годом пожара.

Под ними лежал билет без названия фильма. На нём были только дата и номер места.

14 октября. Ряд 12. Место 9.

В день пожара кинотеатр был закрыт.

Ирина перевернула билет. На обороте синей ручкой было написано:

«Не смотри одна».

Она услышала стук из кухни.

Кап.

Ирина вышла в коридор. Дверь в квартиру была закрыта. Окна тоже. В квартире было тихо, но стук повторился — теперь за стеной, со стороны кинотеатра.

Кап.

Она подошла к окну и раздвинула занавеску. Через мокрый двор виднелись боковая стена «Мира» и узкое окно аппаратной. Оно было чёрным.

В этой темноте на секунду вспыхнул слабый квадрат света.

Потом исчез.

Ирина отпустила занавеску.

Телефон снова загорелся. Новое сообщение, всё тот же неизвестный отправитель:

«В пятницу. Последний сеанс. Не опаздывай».

На этот раз Ирина не стала искать кнопку ответа. Она выключила экран, положила телефон на стол и ещё раз перечитала записку матери.

Ниже последней строки, едва заметно, проступало вдавленное перо — след от записи на листке, который лежал сверху:

«Если услышишь своё имя, не отвечай».

Ирина подняла голову к окну. За стеклом был только фасад «Мира» и мокрая ночь.

Она заперла входную дверь на оба оборота и положила билет с местом девять под записку, словно одна бумага могла удержать другую на месте.

Глава 3. Кадры, которых нет

Ирина не спала до трёх часов.

Она лежала на диване в комнате матери, не раздеваясь, и слушала дом. Холодильник гудел на кухне. В подъезде кто-то спускался по лестнице, придерживаясь за перила. Трубы один раз стукнули за стеной, потом замолчали.

Телефон она положила на стол экраном вниз. Сообщение «В пятницу. Последний сеанс. Не опаздывай» больше не появлялось, но именно поэтому Ирина всё время ждала, что оно появится снова.

Она поднялась, включила настольную лампу и достала коробку с билетами. Под ней, в нижнем ящике шкафа, обнаружилась ещё одна коробка — пластиковая, с треснувшей крышкой. Внутри лежали старые кассеты, несколько дисков и маленькая видеокамера, которую Ирина считала давно сломанной.

На боку камеры мать написала маркером: «Дом. Не стирать».

Ирина протёрла объектив рукавом. На кассете внутри было выведено: «Лето. До школы».

Она не помнила, чтобы мать снимала их в тот год.

В гостиной нашёлся старый переходник. Ирина подключила камеру к телевизору, который стоял на комоде. Экран мигнул, зашипел и показал серую рябь. Она нажала кнопку воспроизведения.

Сначала возникла кухня — та же, но светлая, с цветочными занавесками. Мать снимала неуверенно: кадр качался, камера то упиралась в стол, то ловила потолок. Потом в объектив попала Ирина, лет тринадцати, с мокрыми волосами и огромной футболкой. Она сидела на подоконнике и пыталась развязать узел на шнурке.

— Не снимай, — сказала девочка.

— Почему? — спросила мать за кадром.

— Я ужасно выгляжу.

— Ты выглядишь как ты.

— Это хуже.

Мать тихо рассмеялась.

Ирина остановила запись. На экране застыло её детское лицо — недовольное, усталое, ещё не научившееся притворяться, что всё в порядке.

Она включила дальше.

Камера переместилась во двор. Лёша стоял у качелей, держась за цепь одной рукой. На нём была та самая синяя куртка с белыми полосами. Он оглядывался через плечо, будто ждал кого-то.

— Ира! — позвал он.

Ирина на записи не отвечала. Она шла к нему из-за камеры, но мать продолжала снимать только Лёшу.

— Она придёт? — спросил он.

— Придёт, — ответила мать.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

— Ты всегда так говоришь.

На записи мать опустила камеру. Изображение ушло в землю, где лежали сухие листья и фантик от конфеты. Потом послышались шаги и тихий голос Лёши:

— Если она не придёт, я пойду один.

Мать сказала что-то, но запись зашипела. Ирина перемотала кассету назад, осторожно, на секунду, потом снова нажала воспроизведение. Фразы не стало яснее.

Она выключила камеру и некоторое время сидела в темноте, слушая, как крутится пустая кассета внутри механизма.

В памяти она не могла найти этот день. Она помнила качели, помнила футболку, помнила, что Лёша часто ждал её у кинотеатра, но не помнила, чтобы мать снимала их. Возможно, это был один из обычных летних дней, который позже потерял форму. Возможно, именно такие дни и сохранялись лучше всего — не потому, что были важными, а потому, что никто не готовился их запомнить.

Ирина включила камеру снова.

Следующий отрывок был снят уже в квартире. Мать снимала стол, на котором лежали школьные тетради и два билета в кино. Один билет был разорван пополам.

— Ты опять его порвал? — спросила мать.

— Он старый, — ответил Лёша.

— Ты не можешь просто взять новый?

— Тогда это будет другой билет.

Камера качнулась. Ирина за кадром рассмеялась.

— Он всё ещё считает, что билеты помнят, кто на них сидел, — сказала мать.

— Они помнят, — ответил Лёша.

Запись прервалась.

Ирина сняла кассету и проверила её маркировку. Больше ничего не было. Она не знала, почему мать сохранила этот фрагмент и почему подписала «Не стирать». Может, потому что забыла. Может, потому что не смогла выбросить.

Она выключила телевизор и достала из сумки ноутбук. На заставке горел незавершённый монтаж документального фильма, который Ирина бросила полгода назад. В папке было сотни файлов: интервью, шум улиц, пустые комнаты, чужие лица. Она умела превращать их в историю, придавать паузам смысл, вырезать сомнения и оставлять точные слова.

В титрах её имя стояло после имени режиссёра. Мать однажды спросила, что именно делает монтажёр. Ирина ответила: «Помогает фильму не врать». Мать тогда ничего не сказала. Позже Ирина поняла, что это не всегда правда.

На телефоне лежало старое голосовое сообщение от матери. Ирина не удаляла его, но никогда не слушала до конца. Она нажала воспроизведение.

«Ира, не обязательно приезжать. Просто перезвони. Мне нужно спросить…»

Запись обрывалась. Не из-за ошибки: Ирина остановила её сама, не дослушав много лет назад.

Она нажала снова.

«…ты помнишь, как папа учил вас ждать конца фильма? Лёша всегда уходил раньше титров. Ты оставалась. Я хотела спросить, почему».

Ирина закрыла глаза.

Ирина нашла сообщение в архиве телефона, который сменила два года назад. Она перенесла старые записи вместе с фотографиями, не сортируя их. Голос матери был тише, чем она помнила, и в конце каждой фразы оставался короткий вдох — знакомая привычка, которую Ирина раньше принимала за раздражение.

Она поставила сообщение на паузу и заметила, что держит телефон обеими руками. Так она делала в поезде, когда читала последние медицинские сообщения Вали и каждый раз закрывала экран до того, как дочитывала строку. Словно если не увидеть слова целиком, они ещё не станут окончательными.

Ирина вернулась к записи. Между вопросом о фильме и тем местом, где она когда-то остановила воспроизведение, слышался слабый шум телевизора. На фоне мать что-то переставляла на кухне. Жизнь шла рядом с вопросом, не останавливаясь ради ответа.

Она не помнила этого разговора. Не помнила и того, чтобы мать звонила после. Только помнила собственный ответ в сообщении: «Не начинай опять про Лёшу».

В комнате стало холоднее. Она посмотрела на батарею, но та была тёплой. В темноте телевизор отражал лампу и силуэт человека, стоявшего за Ириной.

Она резко обернулась.

Комната была пуста.

На экране темнела только её собственная фигура, поднявшаяся с дивана.

Ирина выключила лампу. До утра она не включала ни телевизор, ни камеру. Когда за окном посерело, она собрала кассету и положила её в сумку.

На наклейке, которую ночью она считала пустой, теперь проступала ещё одна строка. Почерк матери, выцветший до почти невидимых чернил:

«Не показывать Ире, пока не вернётся».

Ирина закрыла сумку.

Она не знала, что именно мать не хотела показывать. Но впервые поняла: возвращения ждали не только от неё.

Глава 4. Черновой монтаж

В восемь утра позвонил продюсер.

Ирина ответила не сразу. Телефон лежал на столе рядом с видеокассетой, а на экране высветилось имя Димы. Она знала, что он будет звонить, ещё до того, как услышала первый гудок.

— Ты где? — спросил он.

— В Воронежской области.

— Я знаю, где. Я спрашиваю, когда вернёшься.

— Не знаю.

— У тебя через неделю сдача монтажа.

— Я помню.

— Тогда включи ноутбук и продолжай работать.

Ирина посмотрела на экран ноутбука. На нём всё ещё был открыт незавершённый фильм: пустая комната, женщина в профиль, длинная пауза перед ответом.

— Я не могу сейчас.

— Ты можешь. Ты просто не хочешь.

— Возможно.

— Ира, у нас нет бюджета на ещё один перенос. Если ты бросаешь проект, скажи прямо.

Она не бросала проект. Не бросала, когда режиссёр уехал на три месяца. Не бросала, когда героиня фильма отказалась от интервью. Не бросала, когда в финале обнаружилось, что весь материал говорит не о том, о чём они думали.

— Я вернусь, — сказала она.

— Когда?

— Скоро.

Дима выдохнул в трубку.

— Ты всегда говоришь «скоро», когда не хочешь говорить «нет».

— Ты сам сказал, что я могу бросить проект.

— Я сказал это, чтобы ты перестала делать вид, будто тебя можно заставить.

Ирина промолчала.

— Слушай, — продолжил Дима мягче. — Ты не обязана всё решать сегодня. Но пришли мне хотя бы черновой монтаж. Я посмотрю, что можно спасти без тебя.

— Там нечего спасать.

— Значит, пришли мне нечего.

Он отключился.

Ирина положила телефон рядом с кассетой. На экране всё ещё застыла женщина из фильма — лицо размытое, взгляд направлен мимо объектива. Ирина нажала пробел. Кадр двинулся, женщина открыла рот и произнесла фразу, которую Ирина слышала десятки раз:

«Я не помню».

Она остановила видео.

Фильм назывался «Ниже уровня воды». Они снимали людей из деревни, которую затопило после строительства водохранилища. Старые дома ушли под воду, а жители разъехались по разным городам. В кадре женщина по имени Галина рассказывала, что сама уехала добровольно. Но в черновом интервью она говорила другое: что её вывезли ночью, не дав забрать вещи.

Ирина смонтировала две версии рядом. В одной Галина улыбалась и говорила, что всё было к лучшему. В другой — долго молчала, прежде чем назвать улицу, на которой выросла.

Режиссёр хотел оставить улыбку. «Зрителю нужен выход», — сказал он. Ирина оставила паузу. Теперь проект лежал незавершённым, потому что никто из них не соглашался, какую правду фильм имеет право сохранить.

Монтажёрская работа приучила её верить в последовательность. Если соединить два кадра, зритель предполагал причинность. Если оставить паузу, он слышал сомнение. Если вырезать вдох, человек казался увереннее. Ирина знала, насколько легко можно заставить правду выглядеть ложью — или ложь, правдой.

Она снова открыла проект и поставила рядом два фрагмента с Галиной. В одном женщина улыбалась после слов «всё было к лучшему», в другом — смотрела в сторону двери. Ирина передвинула курсор между ними и поняла, что любое решение станет заявлением о том, какой из двух голосов она считает настоящим.

Она не удаляла ни один вариант. Создала папку «не вошло» и перенесла туда оба фрагмента целиком, вместе с паузами до и после. Это не решало спор с режиссёром, но хотя бы не делало вид, будто спор окончен.

В собственном расследовании она пока поступала наоборот: вырезала из рассказов всё, что мешало соединить их в последовательную историю. Слова Громова, Вали, Елены — каждый фрагмент мог стать частью монтажа, если не задавать вопрос, что осталось за границами кадра.

Она закрыла ноутбук.

В детстве отец иногда показывал ей монтажные склейки. Он ставил фильм на паузу и говорил: «Смотри, здесь человек ещё не решил, что скажет. А здесь уже решил, что ему поверят».

Ирина думала, что он говорит о кино.

В почте нашлось письмо от матери, отправленное за семь месяцев до смерти. Тема: «Позвони, когда будет время». Оно состояло из двух строк:

«Я нашла старую кассету с папиными съёмками. Не знаю, стоит ли тебе её показывать. Ты тогда была слишком маленькая».

Ирина не ответила. Через две недели мать написала снова: «Неважно. Просто хотела услышать твой голос».

Потом больше не писала.

Ирина закрыла почту и встала. В коридоре на тумбочке стояла маленькая стеклянная птица с отколотым клювом. Она взяла её, перевернула. На дне мать когда-то написала фломастером: «Ире. 1998».

Ирина поставила птицу обратно.

В дверь постучали.

Она не ждала гостей. Взяла ключи и вышла на площадку. За дверью никого не было. Только на полу лежал сложенный вдвое листок.

На нём было написано: «Кадр нельзя вырезать, если он всё ещё происходит».

Ирина перечитала фразу. Почерк был незнакомый. Она подняла голову к лестнице, но площадка оставалась пустой.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Димы: «Не режь из страха. Возвращайся, когда сможешь смотреть на материал».

Ирина посмотрела на лестницу ещё раз.

Потом убрала записку в карман, вернулась в квартиру за пальто и ключами и решила сначала позвонить Савелию.

Глава 5. Савелий

Утром Ирина проснулась от того, что в квартире звонил телефон.

Не её телефон. Старый домашний аппарат стоял на тумбочке у кровати — белый, с пожелтевшими кнопками и спиральным шнуром, который мать много лет назад заменила на длинный, чтобы можно было разговаривать из кухни.

Ирина села. За окном серело раннее утро. На экране её мобильного было 6:12.

Домашний телефон продолжал звонить.

Она сняла трубку.

— Да?

На другом конце линии кто-то дышал.

— Алло?

Тихий щелчок. Затем мужской голос:

— Ирина?

Она узнала его не сразу. Голос был хриплый, будто человек долго молчал.

— Савелий?

— Вы нашли записку?

Ирина посмотрела на коробку с билетами, стоявшую на столе. Она оставила её там на ночь. Крышка была закрыта. Билет с местом девять лежал сверху, под запиской матери.

— Откуда вы знаете?

— Ваша мать говорила, что оставит.

— Что именно?

— Плёнку.

— Она сказала, что вы знаете, где она.

— Знаю.

— Тогда скажите.

Савелий помолчал.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы не знаете, о чём спрашиваете.

— Я спрашиваю, где плёнка.

— А я говорю — вы не знаете, что это такое.

Ирина встала, нашла на полу свитер и натянула его поверх футболки. Ночью она слышала стук в трубах, но утром квартира снова казалась обычной: холодная чашка, закрытые занавески, тихое жужжание холодильника.

— Это старый фильм? — спросила она.

— Не совсем.

— Хроника?

— Там есть хроника.

— Что ещё?

— То, что не должно было попасть на плёнку.

— Вы говорите, как человек, который хочет, чтобы его продолжали расспрашивать.

— А вы спрашиваете так, будто любой ответ можно разрезать на короткие фрагменты и собрать в удобный.

Ирина замолчала.

— Где вы? — спросил Савелий.

— Дома.

— Не у себя. У матери.

— Да.

— Не оставляйте дверь открытой.

— Я её закрыла.

— Хорошо.

Он повесил трубку.

Ирина постояла с телефоном в руке. На стене напротив кровати висел маленький календарь с прошлого года. Мать перечёркивала дни чёрной ручкой, но последние две недели остались пустыми. Ирина не знала, когда именно мать перестала отмечать даты. В больнице? До больницы? Она никогда не спрашивала.

Ирина оделась, убрала записку и билет в карман и вышла.

Савелия она нашла в служебном коридоре кинотеатра. Тот стоял на лестнице, ведущей к аппаратной, и менял лампочку. Стремянка покачивалась под ним.

— Вы всегда так звоните людям в шесть утра? — спросила Ирина.

— Только когда они собираются сделать что-нибудь глупое.

— Например?

Он вкрутил лампочку, спустился и проверил выключатель. Коридор осветился жёлтым светом. На стене проступили тёмные полосы от старых протечек.

— Например, открыть дверь, которую давно не открывали.

— Я ещё ничего не сделала.

— Вы нашли билет.

Ирина вынула его из кармана.

— Откуда вы знаете?

— Ваша мать перед смертью приходила ко мне.

— Когда?

— За месяц до того, как попала в больницу.

— И вы ничего не сказали?

— Она просила не говорить.

— А теперь?

— Теперь вас здесь нет, когда вы не здесь. Вы приехали, сунули нос в коробку и уже полезли бы в аппаратную, если бы я не позвонил.

— Я не собиралась лезть в аппаратную.

— Хорошо.

— Мама оставила записку. Она велела посмотреть плёнку.

— Значит, вы не передумали.

— Я даже не начинала.

Савелий спустился со стремянки и отнёс её к стене.

— В пятницу, — сказал он.

— Сегодня четверг.

— Я умею считать.

— Кто придёт?

— Кто захочет.

— А фильм?

— Городская хроника.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

— Вы же знаете, где плёнка.

Он перестал складывать стремянку.

— Вы хотите провести показ ради людей или ради себя?

— Какое это имеет значение?

— Большое.

Ирина посмотрела на ряды кресел. Даже при дневном свете зал казался слишком глубоким. На стенах темнели следы старой влаги. Внизу сцены лежала длинная полоска ленты, кем-то заброшенная или забытая. Она блеснула в свете лампы.

— Я хочу знать, что случилось с отцом, — сказала Ирина.

— Вы знаете.

— Нет.

— Вы были там.

— Я была ребёнком.

— Не настолько маленьким, чтобы ничего не помнить.

— Я помню пожар. Я помню, как говорила с полицией. Я не помню, что сказал отец.

— Тогда, может, не надо искать память в чужой плёнке.

— Вы говорите так, будто уже видели её.

Савелий не ответил.

Ирина подошла к краю сцены. Внизу, за занавесом, обнаружилась дверь в маленькую подсобку. Она потянула за ручку — дверь не поддалась.

— Что там?

— Реквизит.

— Для чего кинотеатру реквизит?

— Иногда здесь устраивали детские утренники.

— Вы её заперли.

— Да.

— Почему?

— Потому что она запирается.

— Это не ответ.

— В этом здании слишком много дверей, Ирина. Не надо открывать каждую только потому, что она есть.

Она отошла от двери.

— Есть что-то, что мне нужно знать? — спросила она.

Савелий собрал ключи.

— Да.

— И?

— Не заходите в аппаратную.

— Почему?

— Там ничего нет.

— Тогда почему не заходить?

Он посмотрел на неё без раздражения и без вызова. Только устало.

— Потому что иногда этого достаточно.

Ирина сжала билет. Бумага хрустнула.

— Я не ищу оправдания, — сказала она.

— Все так говорят.

— А чего вы боитесь?

— Что вы найдёте не то, что ищете.

— Или что я найду именно то?

Савелий не ответил. Он поднял с пола полоску плёнки и поднёс к свету. На крошечных кадрах мелькнул фасад кинотеатра, потом чьё-то лицо, слишком маленькое, чтобы разобрать.

— Это было в зале? — спросила Ирина.

— Не знаю.

— Вы всё время не знаете.

— Потому что не всё можно знать наверняка.

Он убрал ленту в карман.

Ирина заметила, что Савелий вытер пальцы о кардиган, прежде чем убрать плёнку. На указательном пальце осталась тонкая чёрная полоска. Он тёр её большим пальцем, пока кожа не покраснела.

— Вы давно здесь? — спросила она.

— С шестидесятого года.

— Всю жизнь?

— Нет. Несколько лет работал в областном театре. Потом вернулся.

— Почему?

— Здесь был мой дом.

— Или здесь кто-то остался?

Савелий поднял на неё глаза, но не ответил. Ирина поняла, что вопрос попал ближе, чем он хотел. Ей вдруг стало жаль его — не настолько, чтобы отказаться от правды, но достаточно, чтобы не давить дальше.

Он достал из кармана платок и вытер руки. На ткани осталась чёрная полоска, похожая на тонкий след копоти. Савелий сложил платок так, чтобы пятно оказалось внутри.

Из кармана пальто Ирины донёсся сигнал телефона. Сообщение от агента: «Сделку желательно закрыть до конца недели. Покупатель ждать не будет».

— Вы собираетесь проводить показ? — спросил Савелий.

Ирина убрала телефон.

— Если это поможет продать здание.

— А если нет?

— Тогда я всё равно его проведу.

Савелий кивнул, будто именно этого и ожидал.

На выходе Ирина остановилась у двери аппаратной. Замок был старый, но цепь выглядела новой. На металле осталась свежая царапина, словно её недавно снимали.

— Вы говорили, что там ничего нет, — сказала она.

— Так и есть.

— Тогда почему вы запираете пустую комнату?

— Привычка.

— У вас много привычек, связанных с закрытыми дверями.

— А у вас — с тем, чтобы их открывать.

Савелий запер за ней дверь. Через мутное стекло Ирина видела, как он ещё несколько секунд стоит в фойе, не двигаясь.

Она пошла к дому матери. Билет с местом девять лежал в кармане пальто и цеплялся за подкладку. Ирина не стала доставать его, чтобы проверить, не изменилась ли надпись.

На этот раз она решила не искать следующий знак. Ей хватило того, что Савелий признал: плёнка существует.

Глава 6. Два участка

Кладбище находилось за старой больницей, за кольцом автобусного маршрута. Ирина дошла пешком, потому что не хотела снова садиться в машину и слушать двигатель. Ветер гнал по дорожке сухие листья, хотя ещё недавно шёл дождь. У ворот висело объявление о санитарной обрезке деревьев.

Она купила у сторожа тонкую свечу и спросила, где похоронена Лидия Воронцова.

— Новые могилы — направо, — сказал он. — Там увидите.

Он не спросил, кто она. В небольших городах люди иногда знают, кто ты, но считают невежливым показывать это.

Могила матери была свежей. Земля просела у края, венки накренились, ленты промокли. На табличке значились имя и даты. Ирина не стала читать их вслух.

Она принесла цветы, но оставила их в машине. Теперь это казалось неправильным: покупать матери хризантемы после того, как не приехала на похороны. Она стояла перед могилой и думала, что никакой жест не может исправить простое отсутствие.

— Я опоздала, — сказала она.

Ветер шевельнул ленты на венке. Больше ничего не произошло.

Она посмотрела на свежую землю и попыталась представить похороны. Тётя Валя, наверное, стояла у края ямы и держала зонт. Савелий мог прийти, но остаться в стороне. Мила — если пришла — могла бы заметить, что взрослые делают вид, будто знают, что говорить. Ирина не знала, кто из них держал мать за руку в последние дни. Не знала, что мать просила перед смертью. В больничных коридорах она отсутствовала так же, как отсутствовала здесь.

Рядом, через узкую дорожку, был участок отца. Каменная плита потемнела от сырости, на её краю рос мох. Ирина не узнала в фамилии собственный голос, когда прочитала её. Отец умер двадцать лет назад, но она всё ещё думала о нём в настоящем времени: «папа говорит», «папа знает». Будто смерть произошла с кем-то, кто когда-то был отцом, а не с тем, которого она помнила.

Она села на низкую скамью между двумя участками.

Когда хоронили отца, Ирина всё время смотрела на ботинки. На них налипла глина, и она боялась, что если поднимет глаза, то увидит, как мать плачет. Лёша тогда стоял рядом. Он не плакал и не отпускал её руку.

После похорон они пошли в кинотеатр. Не потому, что хотели смотреть фильм. Отец оставил там ключи, а мать сказала, что кто-то должен закрыть зал. Ирина сидела в пустом фойе, пока Лёша бегал между рядами. Он остановился у двери аппаратной и спросил, правда ли, что отец всё ещё там.

Мать ответила: «Нет».

Лёша сказал: «Ты уверена?»

Она помнила эту сцену, но не знала, была ли она настоящей. Может, она приснилась ей в первые месяцы после пожара. Может, мать действительно сказала это. Может, Ирина придумала вопрос Лёши, потому что сама хотела его задать.

Телефон завибрировал. Сообщение от агента: «Документы на объект нужно подписать до пятницы. Покупатель ждёт».

Ирина выключила экран.

К ней подошёл пожилой мужчина в зелёной куртке с секатором. Он работал у соседней могилы, аккуратно подрезая кусты.

— Вы дочь Лидии? — спросил он.

— Да.

— Видел вас девочкой. Вы с братом приходили к отцу.

Ирина поднялась.

— Как вас зовут?

— Михаил. Я тогда за кладбищем присматривал. Сейчас тоже, понемногу.

— Вы помните моего брата?

— Конечно. Он всегда шёл на шаг впереди. Твоя мать за ним едва поспевала.

— Вы видели его после пожара?

Михаил опустил секатор.

— Нет. После пожара я видел только вас. Вы с матерью приехали сюда через несколько дней. Стояли у могилы отца почти час. Лёши не было.

— Мама говорила, что он уехал?

— Нет. Она сказала, что он вернётся, когда сможет.

— Это её слова?

— Да.

— Вы верили?

— Он был на меня похож? — спросила Ирина. Спросила и сразу пожалела: она не знала, зачем ей это нужно — чтобы получить право скучать или чтобы убедиться, что отец не стал чужим даже после смерти.

Михаил прищурился, вспоминая.

— Не знаю. Лёша был похож на мать. А ты — на отца, когда молчала.

— Я часто молчала?

— Только когда сердилась. Отец твой тоже так делал. Сначала молчал, потом шёл чинить что-нибудь, что никто не просил чинить.

Ирина улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. Она вспомнила, как отец возвращался домой с запахом машинного масла на пальцах и спрашивал, не сломался ли у неё замок на школьном шкафчике. Он всегда находил работу для рук, когда не мог подобрать слова.

— А Лёша? — спросила она.

— Он говорил за двоих. До тех пор, пока не перестал.

Михаил снова взялся за секатор. Его ответ не был свидетельством о той ночи, но Ирина записала его в телефон — не как улику, а как воспоминание о двух мальчиках, которых кладбище знало раньше неё.

Михаил пожал плечами.

— Я верил, что она хотела в это верить.

Он вернулся к кустам.

Ирина посмотрела на две могилы, разделённые узкой дорожкой. Мать лежала рядом с отцом, как будто наконец исполнила то, о чём говорила много лет назад. Но даже теперь между ними оставалось расстояние: несколько шагов земли и столько всего, что никто не успел сказать.

Ирина достала цветы из машины и разделила их пополам. Одну часть положила у матери, другую — у отца.

— Я не знаю, что вы сделали, — сказала она. — Но я узнаю, что знаю. И не буду добавлять к этому то, чего не помню.

Она зажгла свечу. Пламя дрогнуло и выровнялось.

Когда Ирина уходила, Михаил окликнул её:

— Девочка.

Она обернулась.

— Если найдёшь брата, не говори ему, что мать ждала. Она не ждала. Она жила.

Ирина кивнула.

У ворот кладбища она достала билет с местом девять. Бумага оставалась сухой, хотя весь день моросил дождь. На обороте проступила тонкая буква, почти стёртая:

«М».
Ирина убрала билет в карман и пошла обратно к городу.

Глава 7. Покупатель

Агент прислал сообщение, что покупатель хочет осмотреть «Мир» до подписания предварительного договора. Ирина ответила, что будет в здании после трёх. Савелий прочитал сообщение на её телефоне, когда она показала ему расписание.

— Он уже был здесь, — сказал он.

— Значит, второй раз не помешает.

— Он смотрел стены. Не зал.

— А теперь посмотрит зал.

Глеб Аркадьевич приехал ровно в три. С ним была женщина с папкой чертежей и лазерной рулеткой. Она представилась архитектором, но Ирина забыла её имя через минуту. Глеб снял пальто и оглядел фойе.

— Я здесь был ребёнком, — сказал он. — На утреннике. Мать привела меня смотреть мультфильмы.

— И что вы помните? — спросила Ирина.

— Запах попкорна. И то, что потолок казался намного выше.

Савелий не поздоровался. Он стоял у кассы, держа связку ключей, и смотрел на архитектора.

— Мы можем сохранить фасад, — сказала женщина. — Основной зал, вероятно, придётся разобрать. Там проблемы с перекрытиями и вентиляцией.

— Я пока ничего не решил, — добавил Глеб.

— Но объявление о продаже уже висит, — сказала Ирина.

— Я не собираюсь делать из этого торговый центр. План — медицинский центр и несколько кабинетов для аренды. На первом этаже можно оставить небольшое общественное пространство.

— То есть кинотеатра не будет.

— В нынешнем виде — нет.

— А если здание можно восстановить?

Глеб посмотрел на архитектора. Та не стала отвечать за него.

— Тогда цифры будут другими, — сказал он. — И сроки. Я не благотворитель.

Он раскрыл папку архитектора и показал Ирине схему: вход оставался со стороны площади, часть фойе превращалась в приёмную, а зал делился на кабинеты. На бумаге здание выглядело аккуратным и почти неузнаваемым.

Глеб провёл пальцем по линии будущего коридора на схеме, не глядя на них. — У моей дочери в школе обнаружили проблему со зрением. Ничего опасного, но на обследование нас отправили на другой конец города. Мы потеряли почти весь день из-за дороги и очередей. Я тогда впервые подумал, что такие кабинеты нужны здесь. Я не рассказываю это, чтобы вы согласились. Просто объясняю, почему выбрал именно этот проект.

— У нас в районе нет нормальной диагностики, — сказал Глеб. — Люди едут через весь город на обследование. Я хочу открыть место, где можно будет сделать хотя бы базовые анализы и снимки.

— А кинотеатр?

— Его нельзя сохранить только потому, что когда-то здесь было хорошо.

— А медицинский центр можно открыть в другом здании.

— Можно. Если оно будет стоить столько же, находиться там же и не требовать капитального ремонта. Такого здания нет.

Он говорил без нажима. Ирина поняла, что уже успела назначить ему роль человека, которому нужно объяснить, почему память важнее денег. Но Глеб не спорил с памятью. Он просто пытался решить другую задачу.

— Я не просила вас им быть.

— Вы хотите продать и хотите, чтобы покупатель сохранил всё. Так не бывает.

Ирина знала, что он прав. Именно поэтому его слова раздражали.

Глеб прошёл в зал и остановился в проходе. Он не спустился к сцене и не сел. Смотрел на простыни, на тёмный экран, на обшарпанные стены.

— Я видел здесь фильм про космос, — сказал он. — Мне было лет семь. После сеанса я спросил мать, почему звёзды на экране не гаснут, когда включают свет.

— Что она ответила?

— Что кино заканчивается, когда зритель перестаёт смотреть.

— Вы верите, что это правда?

— Нет. Но мне нравилось думать, что у фильма есть свой конец, независимо от нас.

Он не выглядел человеком, который хотел уничтожить память. Скорее, человеком, который не хотел платить за то, что память не умеет сохранять сама.

— Если мы проведём показ, вы придёте? — спросила Ирина.

— Если он состоится.

— Вы хотите увидеть хронику?

— Я хочу понять, почему все так боятся, что это место закроют.

— Потому что оно было важно.

— Для кого?

Ирина не ответила. Глеб кивнул, будто именно такого ответа и ждал.

Архитектор измеряла стену у служебного прохода. Савелий подошёл к ней.

— Там ничего не трогать, — сказал он.

— Я пока только замеряю.

— Не замеряйте эту часть.

Глеб посмотрел на него.

— Если там опасно, мы обязаны это знать.

— Там просто старая кладка.

— Тогда почему нельзя измерить?

Савелий не ответил.

Ирина увидела, как Глеб впервые посмотрел на него не как на сторожа, а как на человека, который что-то скрывает.

— Я дам вам до пятницы, — сказал Глеб Ирине. — Если вы хотите провести прощальный показ, проведите. Но мне нужно решение по сделке.

— Я поняла.

— Нет, — сказал он. — Вы услышали. Это не одно и то же.

Он вышел первым. Архитектор задержалась у двери, записала что-то в блокнот и последовала за ним.

Савелий запер вход.

— Он вернётся, — сказала Ирина.

— Конечно.

— И если мы не продадим?

— Тогда здание останется вашим.

— А что с ним делать?

Савелий поднял ключи.

— Это уже не вопрос покупателя.

Ирина посмотрела на тёмный зал. Впервые ей стало ясно, что решить судьбу кинотеатра — не значит выбрать между продажей и сохранением. Нужно было понять, что именно она пытается оставить: здание, память или возможность однажды узнать, кто всё ещё сидит в последнем ряду.

Глава 8. Последний сеанс

К полудню агент прислал Ирине проект договора.

Она сидела за кухонным столом матери и читала условия на экране телефона, пока чай в кружке остывал. Покупатель был готов закрыть сделку в пятницу, если кинотеатр освободят к понедельнику. Перед этим он хотел провести «прощальное мероприятие для местных» — старые записи, фотографии города, короткая речь о сохранении памяти.

В документе слово «прощальное» не использовалось. Там было написано «демонстрационное мероприятие».

Ирина позвонила агенту.

— Вы уже говорили с Савелием?

— Да. Он сказал, что всё организует.

— Он ничего не организует. Он даже не хочет открывать зал.

— Это его обычное состояние, — ответил агент. — Но он согласился показать городскую хронику. Люди придут, вспомнят молодость, поплачут. Отличная идея.

— А если я не хочу продавать?

На линии повисла пауза.

— Тогда вы не подпишете документы.

— Спасибо. Я поняла.

— Ирина, покупатель не будет ждать. Здание требует ремонта, отопление отключено, электричество подключено временно. Ещё месяц — и вам придётся платить за охрану и содержание.

— Я сказала, что поняла.

Она закончила разговор и положила телефон экраном вниз. Ей не нравилось, что решение о кинотеатре свелось к сумме расходов и сроку освобождения здания. Но и противоположное решение — оставить его, сохранить, открыть — было не решением, а красивым словом, за которым не стояло ни денег, ни плана.

В комнате матери Ирина снова открыла коробку с билетами. Записка лежала сверху. Она не стала перечитывать её. Взяла билет с местом девять и попробовала вспомнить, как выглядел этот ряд до ремонта. В памяти возникло кресло с вытертым подлокотником, бумажный стаканчик на полу и Лёша, который всегда просил её сесть у прохода, потому что так можно было выйти первым.

Он боялся темноты. Или не любил сидеть в закрытом помещении. Ирина не могла понять, какое из этих воспоминаний настоящее.

На обратной стороне билета не появилось ничего нового.

Слова Глеба не выходили из головы: «Для кого это место было важно?» Ирина пыталась составить список — мать, Лёша, Савелий, жители соседних улиц. Но список не отвечал на другой вопрос: достаточно ли чужой памяти, чтобы оставить здание стоять.

Она не написала «прощальный показ». Пока не знала, с чем именно собирается прощаться.

В кинотеатр она вернулась после обеда. Савелий снимал простыни с кресел и складывал их в аккуратную стопку. На этот раз Ирина не стала повторять вопросы о плёнке. Вместо этого открыла блокнот и начала перечислять, что требовалось для показа: проверить проектор, найти афиши, позвонить в местную газету, выяснить, можно ли включить отопление хотя бы на час.

Рядом со списком дел она написала: «Не одна».

— Это для кого? — спросил Савелий.

— Для меня.

— Тогда не забудьте.

Он снова занялся креслами. Ирина видела, что каждый шаг ему даётся трудно, но не предложила помощь. Он бы отказался, а она не хотела превращать всякое молчание в просьбу.

Ирина позвонила в местную газету. Редактор предложил поставить в заголовок слова «Призрак в кинотеатре».

— Мы ничего не можем подтвердить, — сказала Ирина. — Но люди это обсуждают. — Тогда напишите, что состоится встреча. Не делайте из слуха факт. Редактор вздохнул, но согласился напечатать короткое объявление без заголовка.

Ирина закончила звонок и посмотрела на список приглашённых. Впервые ей пришлось защищать не тайну, а границу между тем, что произошло, и тем, что можно продать как историю.

Она повесила объявление на стеклянную дверь: «Последний сеанс кинотеатра “Мир”. Пятница, 19:30. Вход свободный. Покажем старую хронику города».

Пока разглаживала бумагу, услышала с улицы:

— Это правда будет?

У двери стояла девочка лет шестнадцати, в промокшей куртке и с наушниками на шее. Она смотрела не на объявление, а на тёмное фойе за спиной Ирины.

— Будет, — ответила Ирина.

— Вы включите фильм?

— Да.

Девочка кивнула, но не вошла.

— Ты кто?

— Мила.

— Ты живёшь поблизости?

— Через две улицы.

— Ты ходила сюда раньше?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваешь?

Мила всё ещё смотрела в глубину кинотеатра.

— Я вчера видела его во сне.

— Кого?

— Зал.

Ирина хотела сказать, что сны ничего не доказывают. Но сама только что провела ночь, прислушиваясь к закрытому крану и старым трубам.

— Что там было? — спросила она.

— Пустые кресла. И одно занятое.

— Какое?

Мила помедлила.

— Последнее в двенадцатом ряду.

Ирина почувствовала, как билет в кармане пальто задевает ладонь.

— Ты видела, кто сидел там?

— Нет. Он был спиной ко мне.

— «Он»?

— Я не знаю. Но мне кажется, мальчик.

Савелий появился в проходе. Увидев Милу, он помрачнел.

— Тебе лучше идти домой.

— Я только спросила про сеанс, — сказала девочка.

— И получила ответ.

— В пятницу вы включите фильм? — снова спросила Мила у Ирины.

— Да.

— Тогда я приду.

Она повернулась и ушла, не дожидаясь разрешения.

— Ты её знаешь? — спросила Ирина.

— Она живёт неподалёку.

— Это не ответ.

— Я не хочу, чтобы она приходила.

— Почему?

— Потому что она слишком хорошо видит то, чего здесь нет.

Ирина посмотрела на него, но он уже снова складывал простыни.

На стойке лежала пачка старых афиш. Ирина перебрала их, выбирая, какие можно выставить в фойе. Среди знакомых названий попался фильм, которого она не помнила. Внизу стояла дата: 14 октября, 19:30.

День пожара.

Она провела пальцем по напечатанному названию. Краска осыпалась. Под датой карандашом было приписано: «Ряд 12. Место 9».

На этот раз Ирина не стала фотографировать надпись. Она запомнила её.

В блокноте, под словами «Не одна», она добавила ещё одну строку: «Уточнить, кто расписание печатал».

Савелий увидел запись.

— Не найдёте.

— Возможно.

— Тогда зачем искать?

Ирина закрыла блокнот.

— Чтобы не делать вид, будто ответ появился сам.

Савелий ничего не сказал. В зале за его спиной одно из кресел медленно поднялось, хотя никто к нему не прикасался.

Ирина отвернулась первой.

Глава 9. Первый кадр

В пятницу утром Ирина проснулась до будильника.

В квартире было так тихо, что она слышала, как в ванной капает кран. Она подошла и завернула его до упора. Тишина вернулась, но теперь казалась не пустой, а занятой кем-то, кто умеет не шевелиться.

На кухонном столе лежал билет с местом девять. Ирина не помнила, чтобы оставляла его там. Вчера она убрала его в коробку вместе с остальными, но не стала проверять, закрыла ли крышку.

Она переложила билет в карман пальто.

В десять позвонил агент. Он подтвердил, что покупатель придёт на показ, и попросил Ирину подписать предварительное согласие на передачу здания. Она отказалась.

— Тогда хотя бы не отменяйте мероприятие, — сказал агент. — Люди уже приглашены.

— Я не собиралась.

— Ирина, не устраивайте сюрпризов. Просто покажите хронику.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Она закончила разговор и начала собираться. К полудню у неё было всё, что требовалось для обычного вечера: пачка самодельных афиш, список приглашённых, термос с чаем и конверт с городскими фотографиями, найденными в квартире матери. Последнюю плёнку она не упоминала никому.

В кинотеатре Савелий уже проверял проектор. Он не поздоровался, только протянул ей связку ключей.

— Сначала проверим свет, — сказал он. — Потом аппарат. Если начнёт трещать — выключу сразу.

— А если плёнка порвётся?

— Тогда перестанем смотреть.

— А если в зале что-то появится?

Савелий посмотрел на неё.

— Тогда тоже выключим.

— Вы говорите так, будто знаете, что может появиться.

— Я говорю так, будто не хочу, чтобы вы оставались в темноте.

Он ушёл в аппаратную. Ирина осталась в зале, наблюдая, как дневной свет тонкими полосами ложится на кресла. Она не стала включать верхний ряд ламп: часть из них перегорела, а запасных не было.

В фойе она поставила стол с термосом и печеньем. Потом протёрла кассу, хотя продавать билеты не собиралась. Всё должно было выглядеть как обычный показ. Никаких таинственных записок, никаких разговоров о пожаре. Только старые кадры города.

За полчаса до начала пришла Тамара Сергеевна, пожилая женщина в синем пальто. Она представилась бывшей учительницей и сказала, что хорошо знала мать Ирины.

— Лида бы обрадовалась, что ты вернулась, — сказала она.

— Не уверена.

— Она говорила о тебе каждый раз, когда я заходила.

— Что именно?

Тамара Сергеевна сняла перчатки.

— Что ты работаешь с фильмами. Что умеешь находить в них то, что другие не замечают.

— Мама говорила, что я монтажёр?

— Говорила, что ты режешь плёнку.

Ирина не стала объяснять разницу.

За Тамарой Сергеевной пришёл мужчина с тростью, затем молодая пара. Потом появилась Мила — одна, в сухой куртке, с наушниками в кармане.

— Ты всё-таки пришла, — сказала Ирина.

— Я обещала.

— Ты не обещала. Ты сказала, что придёшь.

— Это почти одно и то же.

Ирина не смогла удержаться от улыбки. Мила улыбнулась в ответ, но быстро стала серьёзной.

— Ты будешь сидеть в зале? — спросила Ирина.

— Да.

— Если станет страшно, выйдешь в фойе.

— А вы?

— Я останусь.

— Тогда и я останусь.

Последним вошёл покупатель. Аккуратный мужчина лет пятидесяти, в светлом пальто и чистых ботинках. Он пожал Ирине руку и представился Глебом Аркадьевичем. Сказал, что любит старые кинотеатры, хотя, судя по тону, имел в виду здания, которые можно выгодно перестроить.

— Я не буду мешать, — сказал он. — Посмотрю, как люди попрощаются с местом.

— Оно ещё не продано, — ответила Ирина.

— Конечно.

Он улыбнулся и сел в последнем ряду.

Ирина обошла зал, проверяя, чтобы никто не занял кресло с выцветшей красной спинкой. Оно было пустым. На подлокотнике лежал старый билет, которого она прежде не видела.

Она взяла его. На билете значилось: «Ряд 12. Место 9».

Ирина подняла глаза на Савелия. Он стоял у дверей аппаратной.

— Это вы положили?

— Нет.

Зрители рассаживались. Тамара Сергеевна села у прохода. Мужчина с тростью устроился ближе к выходу. Мила выбрала место в середине ряда. Покупатель остался сзади, почти в темноте.

Ирина взяла билет и убрала его в карман.

Она вышла к сцене.

— Спасибо, что пришли. Сегодня мы покажем несколько старых съёмок города. Некоторые из них сделал мой отец, другие — неизвестные авторы. После показа можно будет поделиться воспоминаниями. Надеюсь, вечер получится… спокойным.

Савелий погасил свет.

Экран вспыхнул серым. Пошла хроника: улица, которой больше не было; деревянные дома у реки; мальчишки, пинающие мяч возле школы. Изображение дрожало, но люди узнавали места. Кто-то тихо назвал фамилию соседа, кто-то засмеялся. Ирина стояла у стены и смотрела на лица, освещённые экраном.

Глеб Аркадьевич не смотрел на экран. Ирина заметила, что он наблюдает за зрителями: за тем, как люди узнают улицы, как наклоняются друг к другу, как улыбаются своим прошлым.

В какой-то момент он перестал быть покупателем, который оценивает помещение. Он стал человеком, пытающимся понять, что именно нельзя измерить рулеткой.

На плёнке появилась её мать. Совсем молодая, с короткими волосами, она стояла у кассы «Мира» и что-то говорила в камеру. Звука не было. Мать улыбнулась, затем подняла руку, словно закрывая объектив.

Тамара Сергеевна всхлипнула.

— Это Лида, — прошептала она. — Господи, Лида.

Кадр сменился. На экране проплыл фасад кинотеатра. Вывеска была целой: «МИР». Молодая Ирина стояла у входа, держа за руку мальчика помладше. Лёшу.

В зале кто-то повернулся к Ирине.

Она не могла отвести взгляда от экрана. Плёнка дрогнула. Изображение остановилось, потом пошло рывками — лица, входная дверь, пустой вестибюль, лестница к аппаратной.

Савелий выключил проектор.

Зал погрузился в темноту.

— Что случилось? — спросил покупатель.

— Плёнка заела, — сказал Савелий.

— Дайте я посмотрю, — сказала Ирина.

— Не надо.

— Это мой кинотеатр.

— Сейчас — нет.

В темноте послышался тихий скрип кресла. Кто-то встал. Потом шаги — один ряд, второй, третий. Медленные, направленные к сцене.

— Кто там? — спросила Тамара Сергеевна.

Никто не ответил.

Савелий включил фонарь. Луч дрогнул на креслах и остановился на мальчике в двенадцатом ряду. Он сидел на месте девять. На нём была синяя школьная куртка с белыми полосами на рукавах. Волосы прилипли ко лбу. На левом колене темнело пятно, похожее на кровь.

Ирина помнила эту куртку. Мать зашивала её у манжеты, а Лёша каждый раз отрывал нитки, потому что шов чесался.

Ирина почувствовала запах мокрой шерсти, хотя в зале не было дождя. Он напомнил ей школьные зимы, когда Лёша приходил за ней после уроков и прятал руки в её карманы. Она тогда смеялась и говорила, что он слишком большой для таких глупостей. Он отвечал, что пока не включили свет, он может быть каким угодно.

В памяти вспыхнул не пожар, а пустой экран и два детских силуэта в первом ряду. Лёша шептал, что останется, если она останется. Ирина не знала, придумала ли эту фразу позже или действительно слышала её. Но тело узнало её раньше, чем память.

Мальчик смотрел на неё так, будто ждал, когда она наконец его узнает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.